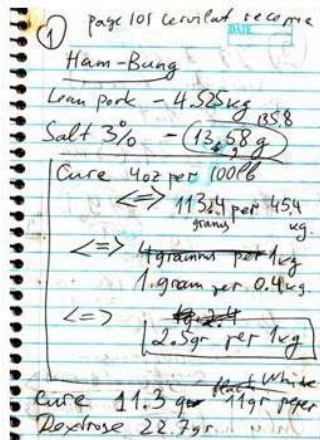

Колбаса и Я

Часть 1

ИСТОКИ

Мой колбасный дневник

С чего же все-таки это началось?

Беру мой блокнот с колбасными рецептами, листаю помятые, засаленные страницы. Вот запись, сделанная в 2002 году: "...повысить температуру ферментации...", вот таблица с результатами титрования. Мой колбасный дневник...

А может быть, виной тому оленья охота?

Лучшая охота — по только-что выпавшему снегу. Бывает, первый снег приходится на открытие сезона. В такие дни друзья звонят мне, зовут на охоту, автоответчик переполняется рассказами об удачах и разочарованиях; видения развешанных по всему дому колбас захлестывают мое воображение. Через окно я всматриваюсь в оленью тропу.

Когда-то, окрыленный верой в легкий успех, я помчался бы в лес. Но не сейчас.

Вы не дождалась меня, мои айовские наставники. Я вижу вас растворившимися в снежной пелене. Вы идете по следу, вы остановились на привал, вы вспоминаете обо мне... С вами, быть может, кто-то другой. Вы уже рассказали ему про русского охотника, который истратив все патроны,

Раньше я помчался бы в лес, но не сейчас

...захлестывает воображение...

преследовал раненого оленя с одной веревкой?

Но прежде чем увлечь тебя в лес, мой читатель; прежде чем обсуждать достоинства и недостатки мясорубок различных конструкций, давай вспомним, что мы не одни.

Среди нас есть люди утонченные.

Первые достижения

Когда-то, я тянулся к тебе, мой благородный читатель.

Я до сих пор горжусь тем, что отказался купить сыну пластмассовый пистолет. Бывало, в дружеской беседе, я часами говорил о углеводах, аминокислотах, полезных и вредных диетах, витаминах, правильных салатах, и пророщенных семенах.

А сколько людей можно прокормить с одного гектара земли, если не отводить его под корм скотине!

Пока позволяло зрение, я даже читал мелкий шрифт на упаковках: одобрительно кивая, покупал продукт или недовольно клал его обратно на полку.

И уж если, волей судьбы, заносило меня в деревню, то я прикрывал нос платком, смотрел себе под ноги, чтобы не вступить в дерьмо, а дверь сарая открывал аккуратно, толкая ее пальцем, чтобы не испачкать всей ладони.

Часть 2

**Н
е
н
а
в
и
с
т
ь**

Дом этот почти касался парапета подземного тоннеля под улицей Горького. Мы жили в предпоследнем подъезде, окна выходили на Садовое кольцо, и комната запомнилась мне освещенной мерцанием автомобильных фар. Всякий раз на пути к станции метро Маяковская проходили мы мимо последнего подъезда с мраморной вывеской. Из подъезда веяло каким-то странным запахом. Торцом дом упирался в крошечный парк, а в небольшом загоне, пристроенном к дому со стороны парка, иногда гуляли два лохматых козла.

Дом этот почти касался парапета подземного тоннеля. Сейчас там все выглядит по-другому: улицу расширили, здание снесли.

Вскоре мы переехали на Мосфильмовскую, и я уже начал думать, что козлы мне приснились. Сомнения мои рассеялись лишь через несколько лет, когда мы вернулись, на этот раз на Косой переулок, где я не раз мог встречаться с тобой, мой читатель, и где протекли оставшиеся годы моего детства. Дом на Косом был в двух минутах ходьбы от дома на Садовой, так что первым делом я направился туда. Все было на месте: и подъезд, и вывеска, которую я уже мог прочесть, и

запах, и козлы. Это был не сон. В подъезде находился Институт судебной медицины. Животных, по-видимому, держали для экспериментов.

Через некоторое время, когда я дорос до чтения детективов, раскрылась загадка странного запаха — а вот докопаться до истоков переполняющей все мое существо ненависти мне удалось лишь много лет спустя...

Торцом дом упирался в крошечный парк...

Нелегко бродить в Айовских лесах. Земля эта изломана трещинами и извилистыми ручейками, покрыта ядовитыми вьюнами и колючими растениями, искореженными штормовыми ветрами. Измотанный лесными тропами, измученный оврагами, исцарапанный дикой розой, я облокотился на дерево и задремал.

Передо мной стоял степной волк. Он молча смотрел на меня. Вдруг я увидел его издалека: ободранный и изнеможенный, волк гордо скользил меж снопов сухой травы — по снегу, по талому льду быстрых киргизских рек. Так я что, в Киргизии? Я почувствовал, что падаю, вздрогнул — волк и остатки сна исчезли.

Мой таинственный волк, как я хотел походить на тебя! Я хотел подкрасться, но лишь только нога моя ступала в лес, олени слышали меня и разбегались. Я хотел подстеречь, затаившись на тропе, но олени чуюли меня и сворачивали в сторону. В минуты отчаяния я хотел отказаться от охоты. Но стоило вернуться домой, налить кружку чая, отрезать поблескивающий капельками жира кусок колбасы, как усталость проходила, а грудь переполнялась решимостью и какой-то необъяснимой злобой.

И вот, потеряв всякую надежду, я наполнил легкие горьким воздухом

поздней осени, повернулся в сторону леса и крикнул:

—Вы-ы-хо-о-ди-и-и-и!

Старый олень медленно приближался ко мне. Чтобы хоть как-то расположить его к себе, я вырвал сноп сухой травы и протянул ему.

—Зачем твои сыновья избегают меня?—спросил я.—Я не хочу причинить вам зла.

—Мы, люди, помогаем вам: фермеры засеяли поля кукурузой и соей, и вы всегда можете кормиться там. Почему же вы хотите заморить нас голодом?

я вырвал сноп сухой травы и протянул вперед

war, and we know that God is not neutral between them.

Олень мотнул головой и исчез.

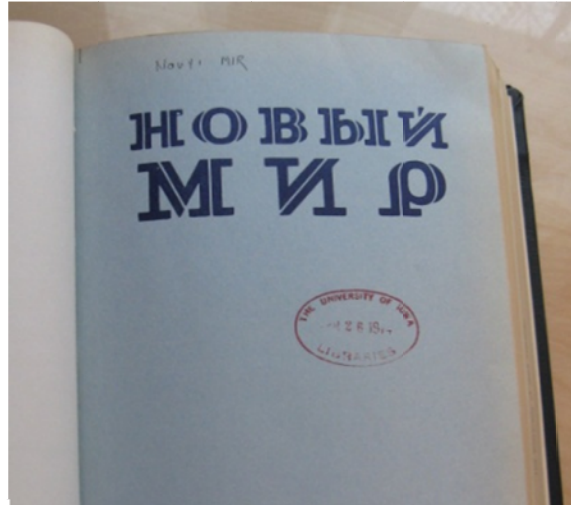

усталость проходила, а грудь переполнялась решимостью...

Олень молчал. Тогда я попробовал по-английски:

— This is my reminder of lives that ended, and a task that does not end. I will not yield; I will not rest; I will not relent in waging this struggle for the most fundamental right of our people — the right to eat. We're in a fight for our principles, and our first responsibility is to live by them. Starvation and replete have always been at

Сейчас вся моя литература об изготовлении колбасы хранится в электронном формате. Начал же я свои изыскания в нашей местной библиотеке, в которой целая секция была посвящена обработке мяса. Мне очень хотелось иметь свои книги о мясе и я наведывался на библиотечные распродажи устаревших изданий. Так, на другом конце земли, вдали от родных мест, попал ко мне старый выпуск журнала «Новый мир». Я купил его всего за доллар в кипе прочих русских и восточно-европейских книг.

...старый выпуск журнала «Новый Мир»

... под речи кудесников люди

Листая никем не открытые прежде страницы журнала, я вспоминал перестройку: кудесников, под чьи речи люди волнообразно махали руками и впадали в гипнотический сон; героя-сына, который на дороге к храму застрелился из дедовского дробовика; певца соцреализма, удивившего всех романом о наркоманах.

Чингиз, я не читал твоего романа — тогда меня интересовала вера, точнее, «Маленькая Вера», — но я был рад за тебя. Жители самой читающей в мире страны увлеклись тобой. Да и как же не увлечешься — говорящие волки, наркодельцы, живущие по волчьим

законам... Уж не хотел ли ты отравить нас зельем социал-дарвинизма? Но тогда мы не знали таких слов.

За несколько лет перегар перестройки выветрился, и библиотечные полки Айовского университета освободили для новых поступлений. Книг о колбасе на распродаже не было, но я был очень рад своей находке. Не подозревая о том, какую роль в моей жизни сыграет этот журнал, я с жадностью начал вчитываться в пожелтевшие страницы.

еврейских семьях. Проведя такое мучительное многолетнее следствие, не станешь же пересуживать дело по такому пустяковому мотиву, как отсутствие состава и самого факта

недели, с 18 июля по 12 августа, длилось страшное ожидание, затем прозвучали расстрельные выстрелы.

Александр Боршаговский

★

АЛЕКСАНДР БУТОВ

Интервью с Чингизом Айтматовым

*И книга эта — вместо моего тела,
И слово это — вместо души моей.**

Григорий Нарекаци, «Книга скорби», X век

А.Б. Многие наши читатели интересуются Вашим последним романом "Плаха". Мы получаем огромное количество отзывов и вопросов. Хочу воспользоваться случаем и задать несколько вопросов непосредственно Вам.

Ч.А. Рад буду ответить.

А.Б. И все-таки, что же навело Вас на такую мысль: волки — герои романа. Связано ли это с тем, что Вы хотели стать ветеринаром и даже закончили Ветеринарный институт?

Ч.А. Конечно, все в мире связано. Дело в том, что с волками моя судьба связана давно.

В начале шестидесятых я должен был проходить практику в совхозе «Заря». Но вдруг меня вызвали в Комитет Комсомола, где со мной встретился незнакомый мне человек. Спросил, не интересуюсь ли я генетикой. Генетика тогда еще была в тумане запретов, я замаялся. "Вы могли бы проходить практику в Москве", — добавил он.

Так я оказался практикантом в Институте судебной медицины. Работали в самом центре Москвы, на Садовой-Триумфальной улице, рядом с метро Маяковская. Сейчас там все выглядит по-другому. Напротив построили три красивых высотки для номенклатуры, улицу расширили, а здание института снесли.

Мы разрабатывали доильный аппарат для волков. Мне объяснили, что в зоопарках волчицы отказываются выкармливать своих детенышей, и что подобный аппарат значительно упростит выведение волков в неволе. Несколько лет назад тема, которой я занимался в шестидесятые, была рассекречена. Вот что выяснилось.

В Киргизии росло в те годы огромное количество

дикой конопли, и, с нарастанием движения хиппи на западе, ситуация могла выйти из-под контроля. Времена репрессий прошли, аресты наркоманов могли поднять западных правозащитников и сильно повредить образу СССР. Вот и решили вывести особо злобных волков, приучить их к запаху марихуаны и выпустить на волю, чтоб они естественным образом очистили киргизские саванны. Как говорится, "и волки сыты и овцы целы". Правозащитникам и сказать нечего: туристы подверглись нападению волков... Бывает.

Правда овцы, как оказалось, не остались целы. Импорт баранины в страны Ближнего Востока начал сокращаться и было решено волков истребить.

Об этом решении пронюхали любители природы, старались помешать. Тогда в прессе и на телевидении много начали говорить о пользе волков, но мало кто знал о всей этой подоплеке.

А.Б. Да, интересно. В Вашем романе волки в чем-то превосходят людей. Что повлияло на это? Разочарование в людях?

Ч.А. В Институте судебной медицины работала у нас уборщица Марья Ивановна. Работа над автодоилкой была почти завершена, как вдруг стали замечать, что удои падают. Мы выращивали трех волчат, двух пришлось усыпить — не хватало молока. Думали, что компрессор не работает, потом думали — шланги текут... Долго разбирались, пока первый отдел не прислал фотографии. Оказалось, Марья Ивановна отливала молоко из бутылочек и продавала его какой-то женщине из соседнего подъезда под видом козьего молока. Этот случай сильно повлиял на меня. Я даже начал думать, что

три высотки для номенклатуры..

Я просто не мог поверить прочитанному. Неужели меня кормили волчьим молоком? На даче мне всегда давали козье молоко, и я даже помню небольшой сарайчик, где деревенская женщина держала козу. А вот как козье молоко попадало в Москву? Дом на Садовой, соседний подъезд, стакан козьего молока на завтрак, Марья Ивановна, так...

Вдруг я начал вспоминать свой сон — волк, киргизские саванны... Уж не ты ли это, мой молочный брат? Жив ли ты? Кипит ли еще в тебе вскормленная молоком матери волчья злоба? Что ищешь ты среди просторов Киргизстана? Островки памяти вдруг начали оживать, что-же мне снилось? ... Волк, ободранный и изнеможенный, гордо скользит меж снопов сухой травы — по снегу, по талому льду быстрых киргизских рек... Вот вижу огромное поле. Темно. Странный свет, как будто поле освещают прожектором. Нет, это костер. У костра трое: парень с девушкой и пожилой киргиз, похожий на

...на даче мне всегда давали козье молоко, а как козье молоко попадало в Москву?

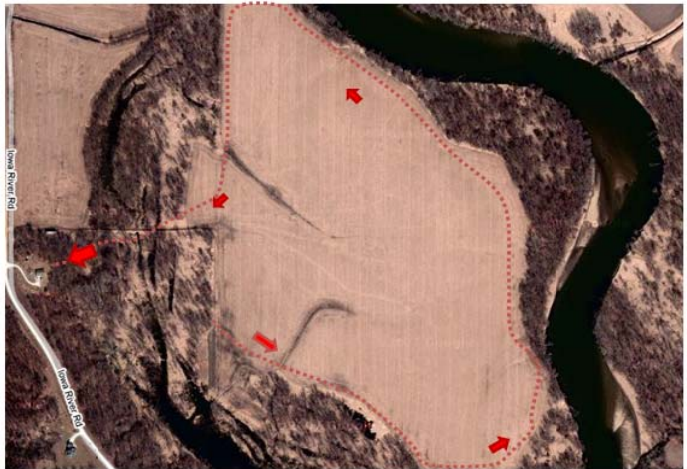
...отказался от ужина - миски с моченой фасолью и тыквенными семечками

пастуха. Палатка, обвешанная странным лапником, кувшин, наполненный замоченной фасолью. Старый киргиз отказывается от предложенного ужина — миски с моченой фасолью и тыквенными семечками. Молодые ложатся на траву, смотрят на звезды. Доносятся слова: «Бездонное небо... звезды... гармония». От костра тянет каким-то сладко горьким непривычным запахом. Ну а где же мой молочный брат? Я знаю, ты где-то там, затаился, замер, слившись с океаном степных трав...

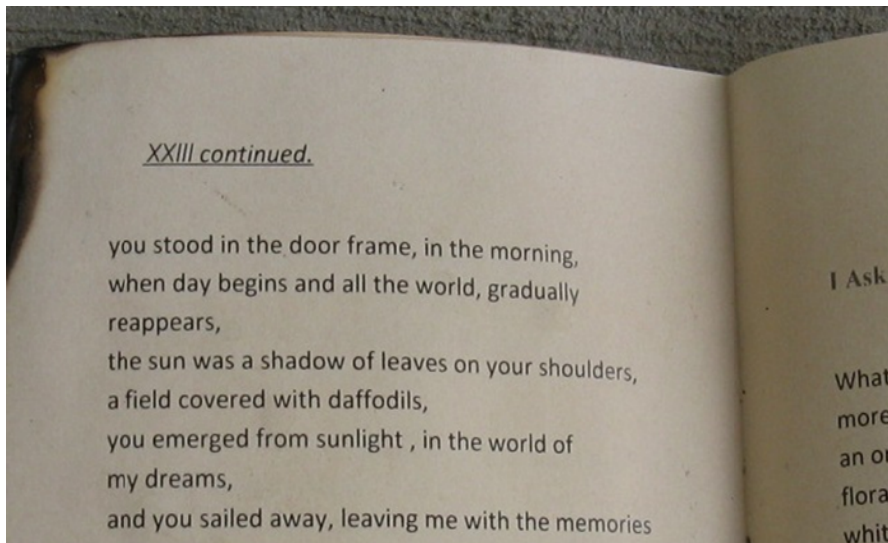
Непонятный был сон. Я по-прежнему в лесу. Оленья тропа. Лес пуст. Белка кувиркается в сухих кронах деревьев. Вдруг вижу метрах в трехстах (значительно дальше предельного расстояния выстрела), где лес переходит в небольшое поле, стоит старый олень.

Уж не с тобой ли — сохатый призрак лесополос — недавно разговаривал я? Олень наклонил голову, как бы указывая на сноп травы в двадцати метрах от дерева, у которого я задремал. Я повернулся. Сквозь гущу веток, слившись с клочками сухой травы, покрытый как-бы веснушками желтых пятнышек, на меня смотрел олененок. Лишь толькодвигающиеся время от времени уши, да неподвижный глаз, устремленный на меня, выдавали его. Я замер. Ружье стояло у дерева. Боясь отвести взгляд, я пытался нащупать его, но тщетно. Я отвернулся лишь на мгновение, быстро схватил ружье, но олененок лег, и я уже не мог разглядеть его.

Я всматривался в траву, пытаюсь различить желто-коричневый пятнистый окрас. Солнце слепило глаза, я жмурился, всматривался сильнее, и на мгновение мне показалось, что позади сушняка виднеется поле, сплошь покрытое желтыми нарциссами. Прошло несколько минут — ни шороха. Я начал медленно приближаться, надеясь вспугнуть олененка. С каждым шагом сердце мое замирало в ожидании прыжка. Но прыжка не последовало: вереница следов вилась из под моих ног и исчезала в глубине кустов.

обогнув поле, следы вывели меня к заднему двору...

...открыл в середине и начал читать***

машинально сунул книгу в карман. Не мог же олененок испариться? Я пошел в обратную сторону, в лес, где следы были хорошо видны. Мои собственные следы отчетливо отпечатались рядом с оленьими. Раньше я не обращал внимание на то, что оленьи следы были огромного размера, совсем непохожими на следы маленького олененка. "Наверное, сбился в кустах со следа", — подумал я, продолжая двигаться в обратную сторону. Через двадцать метров оленьи следы и вовсе исчезли. Я в недоумении прошел еще немного — ничего. Не зная куда идти, я достал из кармана подобранный в куче мусора книгу, открыл в середине и начал читать.

***Вы стояли в дверях рама, в первой половине дня
когда день начинается и во всем мире, постепенно появляется снова,
Солнце является тенью листьев на ваших плечах,
пол покрыт нарциссов,
Вас возникли из солнечного света, в мире
мои мечты,
и вы отплыли, оставив меня с памятью (перевод GOOGLE)

Я пошел по следу.
Обогнув поле, следы вывели меня к заднему двору фермерского дома. Здесь след оборвался, и передо мной словно выросла большая куча медленно тлеющего мусора. Среди расплавленных пластиковых упаковок углом торчала чуть тронутая огнем книга. Тщательно всматриваясь в землю, пытаюсь найти потерянный след, я